

**Муниципальный этап Всероссийской олимпиады школьников по
литературе 2023-2024 уч. год.**

11 класс

I. Целостный анализ поэтического или прозаического текста (по выбору учащегося)

- 1. Сделайте целостный анализ прозаического текста. Какова роль отсылки к культурным и литературным реалиям в повествовании? Как эти отсылки связаны с логикой развёртывания сюжета в рассказе?**

Сергей Шаргунов

Дача, Жанна, драка с дураком

У всякого месяца свои плоды. Плоды августа — арбузы и дыни. Ведь это месяц самой тугой, заключительной беременности, радости родов, горделивого материнства. Но в августе содержатся и тайны несчастий, боль отчаяния. словно бы солдаты Ирода ищут младенца не под вифлеемской звездой, а под этим самодовольным звездопадом, и завтра детская кровь омоет толстое лезвие... Арбузы и дыни, астраханские, узбекские, подвозили в наш подмосковный поселок. И звезды в этот месяц кто-то подвозил неимоверно близко. Арбузы и дыни в небе, сочные, без кожи, когда северное небо вдруг делается африканским.

«Ав, ав, ав», — густо бранились под звездами псы, сбившись в бродячий отряд. Метались, сталкивались, пыль дороги посверкивала, а в траве трещало. Одна псина, вспыхнув глазами, скакнула в сторону и завизжала. Она испугалась каменного удара яблока за чьим-то забором. Наш забор. На калитке мерцала стальная табличка со злой собакой. Собаки за забором не существовало. Стоял темный дом, и в нем я спал.

Целый день до этого я читал «Войну и мир». Валялся после завтрака на диване и грыз карамель. Оставление Москвы, поджоги, тяжелое движение обозов, бледный юнец, который зачем-то начал благословлять Наполеона, сцена расправы над бледным юнцом. Наташа над умирающим Андреем. Карамель кончилась. За открытым окном просторно горел день. С затрепанным томом я пошел на кухню, набил карманы джинсов грецкими орехами и отправился в сад, в солнце, на деревянную горячую скамейку. Я переворачивал страницу и раскалывал по ореху. Пьер Безухов в захваченной Москве, Наполеон как Антихрист, ожидание французской пули, знакомство с Платоном Каратаевым. Некоторые я с тигриной силой раскалывал в руках, а особо неподатливые орехи клал под зад, надавливал и с хрустом раскраивал. Грецкий орех, взломанный ягодицей, и Лев Толстой, в которого ты, наконец, вчитался. Читая, выедаю ореховую мякоть из осколков, я постепенно вошел в такой нежный транс, в причудливое очарование такое, что неожиданно почувствовал себя другим. Ослепительное прояснение, спровоцированное ясной погодой, открыло толстовский контекст, который не даст никакой литературовед. В этом простецки-изящном, солнечно-затуманенном толстовском контексте я поехал на велосипеде за арбузом.

Я ехал по страницам Толстого. Август, торжественно окружавший, навязчивая оса вокруг головы, огрубевшая за лето зелень, дорога, которая ойкала в моем сердце каждой выбоиной, треньканье звонка на ухабах, и шипение шокированной шины, когда я затормозил резко, чтобы не столкнуться с девочкой, выскочившей наперерез из другого земляного переулка... Это все был Толстой! Целый мир был им. И висевший на руле белый пакет, назначенный для зеленого мяча с красными внутренностями, — так все и задумал он. Он сочинил август, наделил сегодняшний день ярким солнцем, но если бы стало сыро

и мерзко, как пару дней назад, все равно было бы здоровски, потому что Толстой пребывал везде.

Девочка мне нравилась. Я ее, желтоволосую, видел и раньше, на велосипеде. Высокая, костлявая. Всегда у ее колеса бежала собака породы мастиф, путаясь в слюнях. А сейчас девочка выехала мне наперерез без собаки. Мы чуть не столкнулись и спешились. Вряд ли мы заговорили бы когда-нибудь, если бы не дорожный эксцесс.

— Ух ты, — сказала она, ступив двумя босоножками на землю, но крепко держась за руль. — Извиняюсь.

Я, небрежно отставив велосипед за левый бок и придерживая его одной рукой, растянул губы нервно:

— А где твоя собака?

— Собака? У бабушки в Москве. А откуда ты ее знаешь?

— Видел вас.

— И я тебя видела.

Это были смущенные реплики, которые колебало счастье спасения, — чуть-чуть — и мы бы столкнулись, и погребли друг дружку под велосипедами. У Жанны (так она назвалась, мы уже гарцевали на велосипедах, то есть медленно катили) была короткая стрижка, розовые шорты и черная футболка с диснеевским утенком. Светлые глаза. Ей было двенадцать, на год старше меня и выше на полголовы, но одета она была в сладкие тряпочки, уместные для девятилетней.

— Я за арбузом, а ты?

— На станцию. Папу встречать.

— По дороге, — сказал я, улыбаясь снова.

— Че ты подмигиваешь?

— Погода хорошая.

— Ага. Дожди так долго шли. Нас собака достала, вся грязная. Кусок грязи. Из бочки ее поливали, она еще хуже стала. Мама ее в Москву отправила — хоть отмоеся нормально. Классно, что все высохло, скажи? Скоро моя Тина вернется, моя лапочка!.. Она у нас добренькая, мышку не обидит. Даже не гавкает. Она мое золото! Больше всех ее люблю! А чем ты на даче занимаешься?

— Книжку читаю. «Война и мир». Дождь был, я все отсюда рвался. У радио сидел, переживал. Такие события! Праздник, да? Коммунистов победили. Ты знаешь?

— Ну да, — она поскукнула. — Папа говорит: теперь плохо будет.

— Я даже флаг из простыни сделал. Акварелью покрасил. И на магазине нацепил.

— Так это ты?

— Я!

— Это папа мой сорвал. Говорит, я бы руки поотрывал тому, кто... — она ликовала за отца.

— У нас же флаг красный!

— Неа! Бело-сине-красный!

— Правда?

— А я думал, это дождь. А это твой папа? Он что, коммунист?

— Почему коммунист?

— Где работает?

— Много будешь знать — скоро состаришься! В райкоме он работает.

— Значит, коммунист.

Она отвернулась и крутанула педали, обгоняя меня, и вильнула обиженно. Мы выехали на асфальтовую улицу.

— У вас яблок много? — крикнул я в черную спину и желтый затылок. Навстречу пробежала стая собак, пять бездомных, увлеченных призрачной целью, и равнодушных к нам. Одна собака, угольная, бежала, прихрамывая, я оглянулся — и она оглянулась, репей на тревожном ухе. Невидимый Лев Толстой почесал бороду.

— Яблок в этом году много, — заявила Жанна по-взрослому, мы опять поравнялись.

— Арбузик хочешь? А я дыню люблю. Она сладкая. В арбузе — одна вода!

— Посторожишь мой велик?

— На станцию не опоздаю? Пять минут осталось.

— Щас, мигом...

Внутри магазина было безлюдно. Несколько старух. Прилавки под стеклом поблескивали стальными проплешинами пустот. За прилавком громоздились футбольные мячи арбузов и регбийные дынь, но про регби я еще ничего не знал. Взял плод, важно постучал по теплой коже, повертел сухой хвостик. Дома мне выдали денег только на арбуз, иначе джентльменски я бы забрал и дыню — желтой девочке. В магазин вошел враг.

Его звали Сире. Полудурок, необычно вечно бледный. Лет тринадцати, бескровная ухмылка, прищуренный глаз. Говорят, однажды в грозу он упал на землю и заблеял: «Сире-е-е!», с этих пор и приклеилось к нему прозвище. Он яблоками недавно через забор в меня кидался, подгнившими. Материал сквозь щели забора. По-настоящему мы с ним еще не сталкивались. Вот с моим приятелем дачным Алешкой они уже столкнулись. Весной. Сире чистил талый лед, а Алеша мимо шел, и Сире его долбанул лопатой по лицу. Приветливо. Не острием, тыльной стороной.

Заплатив, я быстро пошел к выходу с арбузом у живота.

— Постой, пельмень.

— Я не пельмень.

— Чего ты сказал? Мы уже стояли на улице, трое.

— Я не пельмень.

— Дай прокатиться, — он безошибочно выбрал мой велосипед, встряхнул со звоном, пока я пытался втиснуть арбуз в пакет.

— Отпусти! Не твое! — сказал я, ненавидя его, себя и девочку-свидетельницу, и этот оскорбительный август, моментально скисший и затошнвивший. — Ты что, дурак?

— добавил я, дразня, и выронил пакет. — Сире...

— ... твою мать, ты как меня назвал? — враг отшвырнул велосипед и свирепо пнул колесо.

— Прекратите! — закричала Жанна. — Мне на станцию надо.

— Арбуз дай попробую, — ласково пропел он, наступая, темный глазок был пытливо узок. — Дай, кусочек отрежу, — он вытащил из кармана черных треников синюю пластмассовую рыбку, тотчас выплюнувшую лезвие. — Отрежу кусочек и отпущу. Дай, ну дай! — он кланчил, приближаясь быстрее, чем я отходил. — А ты, правда, карате знаешь?

Твоя мать моей хвастала. Покажи прием!

Лезвие ножа спряталось, но это не обрадовало, потому что в ту же секунду белое лицо врага, вялое, собралось, сжалось, губа безглаголиво задралась.

— Ты че мне хамил, а?

— Отойди, — я толкнул его в грудь, отрицая толстовство.

— Ты так со мной, пельмень?

— Хватит! — закричала Жанна, но уже как-то возбужденно, кокетливо, будто сие есть поединок в ее честь.

Я отступил на шаг, прикрываясь арбузом, и со всей силы швырнул его под ноги. Гол! Шар взорвался. Плеснул мокрым жаром. Хороший я выбрал, спелый. Мы все смотрели на арбуз.

— Гад, ты же мне штанину изгадил! — первым очнулся враг, и взмахнул ногой.

Я поставил блок рукой, а левой стукнул ему в скулу. Он навалился, вцепившись в горло, и мы упали. Удалось его перевернуть, вырваться, но он поставил подножку, я грохнулся, он навалился снова, долбанул в ухо. Мы катались, он был крепче. Вернулись, катаясь, к разгромленному арбузу, скользкие полушария лопнули на несколько ломтей под нами, Жанна ворвалась в слепую кашу, беспорядочно царапаясь, потемнело, боль, удар, еще...

Я взмолился Льву. Николаевичу Льву. Не буквально Льву Николаевичу. Но, погруженный всем этим августом в толстовский контекст, я обморочно взмолился об избавлении, и адресатом мольбы не мог быть никто, кроме Толстого.

Врага отдернуло.

— Удавлю! — рокотал голос выше, подобный пролетающему самолету. Я вскочил.

Сире с искривленным мокрым лицом болтался в объятиях мужика. Враг мой хрустел из чугунного зажима. Мужик качался в сером костюме, однако измятом, заляпанном, как будто сам недавно дрался. Не разжимая объятий, он шатался вместе с моим врагом. Оглушительно пахло выпивкой. Жанна вертелась, вереща задорным голосом примерницы:

— Папочка, он на нас напал! Этот козел...

Враг полетел в сторону, в траву, мы шли. Замедленно, как подводники. Мы с Жанной вели свои велосипеды. Я запрокидывал голову (нос расквашен) и прихрамывал. Мужик шатался, потный, жилистый, похожий на индейца, бормотал и напевал.

— Видишь, какой он у меня сильный! Настоящий герой! — шепнула девочка, и, заискивая, спросила: — Как там в Москве, папуль? Как Тиночка наша?

Мужик ступал, трудно, важно, темноволосый, в нем гуляло море вина.

— Все, Жанночка, нет больше у твоего папы работы... — он остановился, мы заглянули ему в лицо.

Взгляд его косо и страшно разбежался, сосредоточился в углах глаз. Этим диковинным взглядом он уткнулся в зелень по краям дороги, словно обдумывал сразу две каких-то далеких, трудных, боковых мыслишки, пытаясь слепить из них одну главную.

Выдохнул. Пошел дальше, выборматывая, петляя мутным взглядом, иногда опираясь на дочку. Серые брюки его были выпачканы едко зеленой травой, а серый пиджак покрашен желтоватым куриным пометом. Коммунист августа 91-го года. Жребий опрощения...

— Пап, ты настоящий герой!

— Простой, как Лев Толстой... — прогудел мужик неожиданно благодарным голосом и хохотнул.

А я в который раз ужаснулся тому, что все слова и мысли на свете связаны.

Дома ругали и жалели. Бодро я объявил, что упал с велосипеда, от этого ушибы, ну а арбуз разбит. Не поверили, что упал, но Сире я не сдал, зубы сжав. Промывшись из ведерка и поевшись под мазками материнского йода, забрался на диван. Жрал яблоки смачно и безжалостно, как личных врагов. Когда Платона Каратаева убили — заплакал...

Ночью приснилась дорога возле забора. Пыльная, ночная, чья пыль заметна из-за близости звезд. Снился странный сон, все спали в одном нашем доме, комнаты были бесконечны, и я узнавал многих знакомых в темных комнатах по очертаниям: Жанна спала, спал папа ее, спал Сире, жалобно всхлипывая, я его за все простил, потому что во сне был

спокоен ко всем. А на пыльной дороге метался отряд собак. Упало яблоко в нашем саду, собака отпрыгнула от стаи, яблоко лежало в стрекочущей траве, белое и влажное, звезды бодрствовали, милосердные, палаческие. Августовские.

Лето кончилось. Кончилась «Война и мир». Недоуменно изучил толстовское послесловие. Взялся за Ната Пинкертон, чьи фокусы переиздали на волне того времени. В последний день месяца мы выехали с Жанной на верховую прогулку. Герой помалкивал, загадочный и бдительный, как король сыска. Мой невидимый котелок раскачивался под усталым вечерним солнцем. У Жанны шины недавно наехали на стекло и сдулись. Но ради этой прогулки она тяжело крутила педали. Ползла подле, не отставая. С дырявыми шинами. Метафора влюбленности.

Скоро ее отец нашел себя в бизнесе, я бываю на даче, мы с ней дружим, она родила двойню, выйдя замуж за узбека, мастиф ее через два года подох, Сире забрали в армию, он вернулся и стал шофером местного такси.

«Гнездо преступников под небесами», «Стальное жало», «Борьба на висячем мосту». Август кончался малиновой улыбкой великого Пинкертон, хладнокровными антоновскими яблоками гладковыбритых американских щек. Сейчас, на излете лета, налитанный детективными ядами, я подозревал злодейский умысел везде, и в том, конечно, что некто натолк стекло у Жаннинных ворот, этим убив ее шины. Не Сире ли бил бутылки? Мы разъезжали по поселку, воздух свистел, всюду умирало лето.

Мы не целовались. Въезжали в сентябрь на своих велосипедах. В город, в разлуку, в привычную суету, в жизнь, которая вот-вот исчезнет, в будущее, которое не возникнет. Его, это будущее, сложившееся и зрелое, как август, не взяли с собой, забыли за поворотом, и оно ноет там и бродит и никогда не оставляет в покое.

2008

2. Сделайте целостный анализ поэтического текста. При анализе текста можете ответить на следующие вопросы: каково отношение поэта к Петербургу? В чём Кушнер следует традициям лирики Серебряного века? Какими художественными средствами пользуется? Каков культурологический контекст стихотворения?

Александр Кушнер

* * *

О здание Главного штаба!
Ты желтой бумаги рулон,
Размотанный слева направо
И вогнутый, как небосклон.

О море чертежного глянца!
О неба холодная высь!
О, вырвись из рук итальянца
И в трубочку снова свернись.

Под плащ его серый, под мышку.
Чтоб рвался и терся о шов,
Чтоб шел итальянец вприпрыжку

В тени петербургских садов.

Под ветром, на холоде диком,
Едва поглядев ему вслед,
Смекну: между веком и мигом
Особенной разницы нет.

И больше, чем стройные зданья,
В чертах люблю городских
Веселое это сознанье
Таинственной зыбкости их.
1964

Здание Главного штаба — историческое здание, располагающееся на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. Строительство здания продолжалось с 1819 по 1829 год.

II Творческая работа.

Задание. Напишите связный текст литературоведческого, историко-литературного, научного либо научно-популярного характера, включив в него максимальное количество из следующих 10 слов/словосочетаний (даны в алфавитном порядке, разделены запятыми).

Приступая к работе, сначала придумайте и кратко письменно объясните, где и как мог бы быть использован этот текст (статья в журнал или энциклопедию, параграф учебника, доклад на конференции, фрагмент лекции и др.). Старайтесь выбрать стиль текста в соответствии с задуманным жанром и условным адресатом. Помните, что ваша задача — включить предложенные слова в некий общий «сюжет», через который были бы видны литературная эпоха, или литературное произведение в его связи с другими произведениями, или автор и его творчество в широком контексте, или литературоведческая проблема в многообразии ее толкований.

Закончив работу, подчеркните в тексте использованные вами слова и словосочетания из приведенного списка.

1861 год, антитеза, внутренний монолог, восстание декабристов, «Все хорошо, что хорошо кончается», «Горе от ума», «диалектика души», Казанский собор в Санкт-Петербурге/Храм Христа Спасителя в Москве, роевая жизнь, роман-эпопея.